

Когда Су Цзянь вернулся домой, его мать, Лю Цюндань, как раз готовила на пару хуамо*. Она раскладывала сверху сочные, ярко-красные финики — получалось очень аппетитно.

*П.п. Хуамо — декоративные паровые булочки (маньтоу) с фигурным оформлением.

— Уже хуамо ставишь? — Су Цзянь занёс чемодан в свою комнату и остановился в дверях кухни.

Лицо Лю Цюндань сияло от радости. На ней был бордовый свитер с закатанными рукавами, который гармонировал с красными финиками на паровых булочках.

— В этом году я вообще-то поздно вато взялась. Если бы твои старшие сёстры не сказали, что вернутся только в канун Нового года, я бы давно уже всё приготовила. А тут, как узнала, что ты сегодня возвращаешься, подумала накормить тебя горяченьким, вот и сделала немного.

Су Цзянь радостно рассмеялся и тут же спросил:

— А где папа? Что-то его не видно.

— Я отправила его на рынок за рёбрышками. Чуть позже потушу. В прошлом году ты ведь сам звонил и ныл, что очень хочешь.

— Эх... — На лице Су Цзяня всё так же играла улыбка, но он изобразил лёгкую досаду. — По крайней мере, на этот раз ты помнишь, что у тебя дома есть ещё и сын!

Не успели эти слова прозвучать, как Су Цзянь получил подзатыльник.

— Ай! — воскликнул он и тут же исправился: — Мама, я был неправ. Ты ко мне лучше всех относишься.

Лю Цюндань, глядя на него, рассмеялась и притворно брезгливо сказала:

— Что значит «лучше всех отношусь»? Найди кого-нибудь другого, кто захочет к тебе хорошо относиться.

— Тогда... пойду к своим сёстрам.

Не дожидаясь её ответа, Су Цзянь развернулся и ушёл к себе разбирать вещи. Лю Цюндань, глядя ему в спину, на миг задумалась: «Неужели ребёнок снова похудел? Видно, в ближайшие дни нужно будет готовить ему побольше мясного и наваристого, чтобы подкормить...».

В прошлом году на Новый год Су Цзянь застрял на съёмках и не смог вернуться домой. Тогда он особенно скучал по маминей готовке, особенно по тушёным рёбрышкам: такие нежные и ароматные, сочные, откусишь — и сок брызжет, а подливу с рисом мешать так вообще одно удовольствие. Только подумаешь и слюнки текут.

Однако в этом году после двух дней непрерывных домашних трапез с однообразными жирными блюдами, Су Цзянь уже почти был готов стать монахом. Иногда, оказывается, и без мяса жить совсем неплохо.

Рано утром в канун Нового года Лю Цюндань подняла Су Цзяня с постели, чтобы он не опоздал встретить своих старших сестёр.

— Мам... — Су Цзянь посмотрел на экран телефона, где было 6:49, и с крайней усталостью и покорностью в голосе сказал: — У старшей сестры рейс в 8:40, у второй — в 9:00. Если учесть, что дорога занимает час, то выйдя в девять, я никуда не опоздаю, правда...

Его слова возымели некоторый эффект: в следующий раз Лю Цюндань заглянула к нему в комнату только через полчаса. В итоге около восьми часов Су Цзяня всё-таки выставили из дома.

Однако, как показали факты, у Лю Цюндань и вправду было чутьё: когда он подъехал к аэропорту, свободных мест на стоянке уже почти не осталось, хотя было всего лишь половина девятого.

Разослав обеим сёстрам сообщения с жалобами на свою нелёгкую долю, Су Цзянь принялся листать ленту друзей.

Последние два дня он почти не заглядывал в WeChat. В первый день после приезда он проспал до часа дня, а потом помогал Лю Цюндань с генеральной уборкой во всём доме. Разминая затекшую спину, он всерьёз заподозрил, что его старшие сёстры специально договорились вернуться только под самый Новый год, просто чтобы улизнуть от ежегодной генеральной уборки и явиться на всё готовое.

Однако в ленте друзей тоже не было ничего особо интересного. Если не считать нескольких фотографий их старой школы, выложенных бывшими одноклассниками с предложением как-нибудь встретиться — в этом хоть был какой-то смысл, — всё остальное было довольно скучным. Тем не менее, он машинально лайкнул все записи подряд.

Когда он вернулся во вкладку с сообщениями, то заметил, что посланные им пару дней назад сообщения И Тяньшу до сих пор остались без ответа.

Су Цзянь слегка нахмурился и тут же открыл диалог с И Тяньшу.

<http://bllate.org/book/13820/1219711>